

Онто-гносеологические особенности объектов исторического познания

А. С. ТАБАЧКОВ

Введение

В социально-гуманитарном познании вообще и в истории в частности не только объект диктует конгруэнтные себе способы познания, но и наоборот, доминирующий способ познания напрямую участвует в формировании своего объекта. И хотя в начале генезиса и институализации той или иной практики познания характер объекта первичен при выборе способа его познания, на более поздних этапах способы и методы становятся полноправными участниками процесса формирования, или «формации», как сказал бы М. Фуко, дискурса знания. Еще Новалисом было замечено, что «историк организывает исторические сущности. Данные прошлого есть беспорядочная масса, которой через эмпатию придает форму историк» (Пер. Ф. Анкерсмит) [цит. по 1, с. 189]. Поэтому прошлое, о котором идет речь в данной статье, это прошлое, выступающее в качестве объекта преимущественно интерпретативных способов исторического познания.

* * *

Имеются, конечно, свои преимущества у введенного в оборот Р. Коллингвудом тезиса о принципиальном несуществовании прошлого как объекта корреспонденции знания. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что не будучи автономно актуализирующимся феноменом, прошлое не подлежит непосредственному предъявлению в качестве эталона верификационных процедур. Но прошлое как реализовавшееся, сумевшее достичь актуальности сущее, «есть» даже в большей степени, чем сущее наличного момента современности, еще становящееся сущее настоящего-будущего, ведь истина не окончившего своего становления сущего всегда скорее надежда, чем истина. И пусть прошлое тоже не является в онто-гносеологическом плане окончательно установившейся и установленной данностью, но оно все-таки наделено гораздо большей определенностью – как ставшее, то есть уже совершённое и событийно завершившееся – пусть и только по отношению к синхронной ему ситуации мира актуальной внутривременности. Сущее прошлого это уже состоявшееся сущее, состоявшееся по отношению к своей собственной судьбе, к внутреннему моменту своего развития. Разумеется, по отношению к судьбам культурно-исторических локусов и, тем более, по отношению ко всемирной истории, ни о какой окончательной завершенности события не может быть и речи. Гипотетический «конец пути» события в мире предполагал бы, в онтологическом плане, полную утрату каузальности любого рода, причем установление самого этого факта остановки развития события в истории потребовало бы анализа и в ретроспективе тоже: нельзя ведь исключить, что когда-то имела места некая интеракция, породившая другие, возможно, все еще длящиеся, развивающиеся событийные ряды. В гносеологическом плане мы должны бы были достигнуть абсолютного и неподлежащего дальнейшей интерпретации смысла исторического события.

Однако и тезис «прошлое определяет будущее», несмотря на его кажущуюся очевидность, все же столь неполон, что скорее неверен: ведь это именно становящееся будущее активно вовлекает прошлое в процесс конституирования события. Прошлое потому и прошлое, что не обладает автономией актуализации. От генетически ей прямо конволютных элементов ситуации настоящего-будущего, прошлое отлично тем, что мы в большей степени вольны пускать или не пускать его в горизонт актуального бытия; онтически, мы вправе выбирать,

чему нам следует наследовать, а чему нет. В рамках рационалистической модели бытия¹, выбор памяти, это «онтологическая селективность разума» [2, с. 25], решающего, какому событийному ряду длиться, а какому – быть, по крайней мере, на время прерванным, какому событию породить новую динамику смыслов, актуализирующихся в событиях настоящего-будущего, а какому – пока оставаться на запасных путях архива. Настоящее-будущее обладает ретроактивностью, уравнивающей в динамике мирового процесса пассивную «естественную» способность прошлого к перспективной трансляции своего влияния.

Не стоит думать, что такой онтологической концепции соответствует обязательно некая релятивистская гносеология, релятивизма – в смысле подрывающей бытийный статус прошлого относительности – в таком креативном отношении к прошедшему на самом деле нет и не может быть вовсе. Подлинное историческое прошлое это, выражаясь метафорически, отнюдь не требующий бережного сохранения след, прочерченный действием культурного бытия на некой (на самом деле невозможной) внешней ему, «поверхности» мира. Это вообще не след как нечто ставшее чуждым и оставленное по мере пути в сегодня – это неотъемлемая часть пространства существования самого этого бытия; существование любой логоцентрической культуры не одномоментно, оно ретроспективно и перспективно одновременно. Культурное бытие принципиально трансинхронично. Поэтому интерпретация события прошлого это акт продолжения существования данного события и одновременно очередной этап его движения сквозь темпоральные горизонты бытия. По ходу этого движения оно привносит свой смысл, делится своим значением с процессами современности и в то же время, вовлекаясь в эти процессы, неизбежно меняется само, ведь любое «вчера» мы познаем в нашем «сегодня». Но эти изменения суть не навсегда замещающая исходную форму модификация, но сохраняющая мультипликация смыслов прошедшего.

Как дискурсивная структура, смысловая ипостась исторического события состоит из двух соединенных концепт-контекстуальными связями областей – матрицы ядер-концептов и общего этой нуклеарной структуре контекстуального поля². Благодаря такой структуре участвующий в процессах смыслообразования дискурс интерпретации не теряет своей идентичности, которая обеспечивается тотальностью самозамкнутых референциальных связей внутри его центрального, нуклеарного региона, в ответ на вмешательство каждый раз осуществляющего реконституирование интегрального смысла дискурса события. Импульс автореференции, циркуляция которого в матрице нуклеарных концептов запускается при каждом обращении к дискурсу, всякий раз исключает чужеродные смысловые элементы. Правда, другая область конституции дискурса, его контекстуальное поле, достаточно толерантна к иному и поэтому может даже накапливать изменения – до момента вызванной ситуационной актуализацией накопившегося метаморфозы концептуальной составляющей дискурса. Там, в этой контекстуальной области, на самой периферии внимания, незаметно формируются смыслы отличного; аккумулируемое там иное, попав однажды в нужную точку амплитуды колебания аспектов восприятия дискурса, оказывается вдруг чем-то необычайно важным. Некие ранее абсолютно вторичные элементы вдруг оказываются способными к генерации альтернативного общего смысла дискурса. И тогда коллапс этого дискурса как элемента достоверного исторического знания становится неизбежным: дело в том, что именно контекст

¹ Говоря о процессуальном характере онтологической схемы стоит все-таки иметь в виду ее преимущественно методологическую функцию – она введена в данный анализ для организации репрезентируемого материала, и за ней на самом деле не прячется метафизический тезис «Бытие есть процесс». Процесс как таковой это вообще, скорее дискурсивная, чем онтологическая, форма. К тому же, бытие культуры и его познание – изменчивые, эволюционирующие феномены, культурное бытие к тому же чувствительно к формам его репрезентации в знании – вспомним, например, марксизм и порожденную им реальность. Такой их явно не парменидовский характер несколько девальвирует, на наш взгляд, ценность спора о возможных дефинициях.

² Структура дискурса прошлого имеет аспект-зависимый характер: концептуальные и контекстуальные составляющие окончательно определяются как таковые лишь в моментах динамики его экспозиции. Только актуализированный обращением к нему дискурс имеет определенную концепт-контекстуальную структуру. В гипотетической внесубъектной форме дискурс прошлого может быть представлен как структура комплементарных, но неопределенных – по отношению к их концепт-контекстуальному статусу – элементов.

обеспечивает инкорпорируемому им комплексу концептов, а с ними и дискурсу в целом, это качество – быть достоверным. Помимо внешнего «эффекта реальности», создаваемого деталями контекста (даже «иррелевантными» деталями, как считал Р. Барт [1, с. 20]), контекст обеспечивает непосредственное референциальное пространство существования своего концептуального ядра как условия его сопряжения с другим знанием и с актуальной культурой вообще. Лишившиеся его поддержки концепты сами становятся историей.

Потеряв качество достоверности, дискурс с прозрачной, или, по крайней мере, кажущейся таковой, поверхности актуального знания стремительно опускается в глубину исторической объектности, он сам становится артефактом, деталью уже ушедшей эпохи своей актуальности. Но дискурс, его концептуальное ядро и «оставшийся ему верным»³, сохранивший ему смысловую адекватность контекст не распадаются, каждый дискурсивный образ прошлого, каждая его интерпретация являются интегральным смысловым целым. Поэтому глубокая модификация такого структурированного целого невозможна: она неизбежно порождает новый дискурс, не отменяя факта существования и не разрушая автореференциальной смысловой идентичности прежнего⁴. Умножение дискурсивных сущностей – вот господствующий пока в мире исторического знания принцип, постоянно образующийся избыток этих сущностей поглощает сама история.

Перманентные кризисы достоверности раз за разом превращают элементы исторического знания в предметы-артефакты, уже объектные по отношению к познанию. Реинтерпретация, деактуализируя и объективируя (низводя на уровень объекта) предшествующую интерпретацию, отодвигает ее тем самым и в прошлое познания. Дневная поверхность исторической рациональности все время круто уходит вниз, поэтому перевернутые пирамиды коммулятивного роста знания – это явно не те структуры, которые когда-либо смогут на ней возникнуть.

Какой бы исторический метод не был задействован, объект, предстоящий историку как познающему субъекту, все равно будет отличен от любого другого объекта – здесь он, во-первых, все время естественным образом растет – в количественном и качественном смыслах, и даже если проект историка связан с изучением событий достаточно отдаленного прошлого, то все равно, естественным образом растущее количество следствий этих событий будет осложнять эпистемологическую ситуацию. Мог ли например историк-религиовед, писавший свою работу, скажем, лет двадцать назад, представить, что мы, похоже, вскоре увидим некий ренессанс язычества?

Во-вторых, непрерывно множатся еще и интерпретации и реинтерпретации уже произошедшего⁵, и в условиях такого двойного роста историк вынужден реализовывать свой проект не как некую почтенную научную рутину, но по типу, скорее, артистического акта. Только так он может добиться необходимого первоначального внимания к своей работе, которая в противном случае просто потонет во все увеличивающемся потоке других текстов. Как агент культуры, историк, поэтому, не только и даже не столько систематизатор и исследователь фактического, но, в первую очередь, артист-интерпретатор. И его доблесть вовсе не в том, чтобы не быть этим артистом или быть им в наименьшей возможной степени, на самом деле его доблесть в том, чтобы быть одновременно еще и ученым, причем ученым, способным к созданию смелой и состоятельной гипотезы, без которой любой литературный артистизм будет бессмысленным. Он, и в этом почти непомерность его задачи, должен быть не только человеком литературы, но и человеком научной рациональности.

Гносеологическая ипостась исторического прошлого конституируется совокупностью всех доступных для дискурсивной актуализации смыслов событий, произошедших на пред-

³ Инвазивные смысловые элементы, чье присутствие привело к появлению нового дискурса, в нем и остаются, выполняя в составе этой новой структуры контекстуальные или концептуальные функции. Однако часть таких элементов может вообще не попасть ни в актуальное, ни в с его помощью ставшее историческим (т. е. принадлежащим уже истории) знание.

⁴ Эта метаморфоза почти никогда не является некой рекомбинацией концептов нуклеарной матрицы или приведением к конгруэнтности элементов контекста, речь почти всегда идет о возникновении нового дискурса с уже иными концептуальной и контекстуальной составляющими.

⁵ Ф. Анкерсмит говорит даже о некоем имеющем место «перепроизводстве» исторических текстов [1, с. 314].

шествовавших этапах бытия мира культуры. Поэтому даже онтически прошлое являет собой не только то, что уже прошло, некое сущее, данное в случайности своей ситуативной событийной конфигурации, которая никогда уже не повторится вновь. Событийно организованное сущее исторического прошлого – это даже не то, что было однажды сохранено в дискурсе, некое достигшее нас усилиями историка послание с описью смыслов случившегося, которое может быть нами однажды прочитано и затем навсегда забыто. Прошлое способно к перспективной, иницируемой актуальной событийностью, трансляции, и поэтому оно всегда движется вместе с горизонтом сменяющихся и переходящих друг в друга моментов настоящего-будущего. Собственный горизонт пребывания прошлого всегда онтологически синхронен горизонту актуальности мира.

Такие онто-гносеологические особенности объектов исторического прошлого не могут, на наш взгляд, и далее не учитываться теорией истории. Эпистемология и методология исторического исследования должны строиться с учетом простого, но важного принципа – репрезентативное предъявление не может заменить собой теоретического объяснения. Автор и реципиент исторического дискурса не должны быть связаны ненормальным коммуникативом подмены ожидаемого экспликативного анализа предложением эмпатического инкурса в пусть даже и искусно воссозданный фрагмент мира прошлого. Воспроизведенные и анимированные позитивности интерпретативных дискурсов – это, на самом деле, некая постмодернистская инверсия идеала верифицируемого знания: описание точно соответствует описываемому потому, что связано с ним отношением взаимопорождения. Двухнаправленная генетическая связь превращает такой исторический дискурс в симулякр, зеркальная пульсация автореференций которого делает любую неадекватную этой новой специфике попытку теоретического вмешательства пародией на саму себя. Таким образом, интерпретативное анимирование не противостоит, как это принято полагать якобы позитивистскому, в своей сути, теоретическому методу, но само отчасти является переродившимся под влиянием постмодернистской критики наследием гегемонии позитивистского мышления.

Заключение

Наличное, то есть готовое выступить в качестве действительных ретрореференций современных процессов культуры историческое прошлое являет себя как динамический комплекс конкурентно и комплементарно взаимодействующих интерпретативных дискурсов. При этом знание о прошлом никогда не равно самому прошлому, оно не может и, более того, не должно быть ему равно – не воспроизведение, но выявление актуальных смыслов случившегося является задачей исторического познания. Любой достигаемый литературным мастерством историка эффект присутствия в реальности прошлого возможен как истинный лишь при условии одновременного предоставления теоретической экспликации исследуемого события, без этого любое анимирование прошлого является симуляцией.

Abstract. Onto-gnoseological peculiarities of historic perception are considered in the paper

Литература

1. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
2. Табачков, А. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.